

Шалунов Сергей Сергеевич
Российская таможенная академия
Саадулаева Татьяна Анатольевна
Российская таможенная академия

**Актуальные угрозы финансово-экономической устойчивости в системе
управления бюджетными ресурсами**

Аннотация. В статье анализируются актуальные угрозы финансово-экономической устойчивости в системе управления бюджетными ресурсами Российской Федерации. Авторы выявляют и классифицируют ключевые риски, действующие на макро-, институциональном и операционном уровнях. Среди внешних вызовов отмечаются зависимость бюджета от нефтегазовых доходов, макроэкономическая волатильность, санкционное давление, валютные и инфляционные риски. Внутренние угрозы включают проциклический характер бюджетной политики, фрагментацию бюджетного процесса, недостатки бюджетного федерализма, высокую дотационность ряда регионов, а также масштаб теневой экономики и налоговые разрывы. Особое внимание уделяется операционным рискам — неравномерности исполнения бюджета, кассовым разрывам, уязвимостям в сфере кибербезопасности и вызовам цифровой трансформации. Также рассматриваются долгосрочные угрозы, связанные с демографическими изменениями и климатическими рисками. На основе системного и риск-ориентированного подходов предлагается концептуальная модель многоуровневой защиты финансово-экономической безопасности, охватывающая стратегический, институциональный и операционный уровни. Модель направлена на повышение адаптивности бюджетной системы, укрепление фискальной дисциплины и снижение уязвимости к внешним и внутренним шокам. Исследование подчеркивает необходимость комплексного реагирования на современные вызовы через совершенствование нормативно-правовой базы, усиление прозрачности и внедрение цифровых решений в управление государственными финансами.

Ключевые слова: финансово-экономическая безопасность, бюджетный менеджмент, бюджетные риски, устойчивость бюджетной системы, фискальная политика, управление государственными финансами.

Shalunov Sergey Sergeevich
Russian Customs Academy
Saadulaeva Tatyana Anatolyevna
Russian Customs Academy

**Current threats to financial and economic sustainability in the budget resource
management system**

Abstract. The article analyzes the current threats to financial and economic stability in the management system of budgetary resources of the Russian Federation. The authors identify and classify the key risks operating at the macro, institutional and operational levels. External challenges include budget dependence on oil and gas revenues, macroeconomic volatility, sanctions pressure, currency and inflation risks. Internal threats include the procyclical nature of fiscal policy, the fragmentation of the budget process, the shortcomings of fiscal federalism, the high subsidization of a number of regions, as well as the scale of the shadow economy and tax gaps. Special attention is paid to operational risks, such as uneven budget execution, cash gaps, cybersecurity vulnerabilities, and digital transformation challenges. Long-term threats related to

demographic changes and climate risks are also considered. Based on systemic and risk-based approaches, a conceptual model of multilevel protection of financial and economic security is proposed, covering strategic, institutional and operational levels. The model aims to increase the adaptability of the budget system, strengthen fiscal discipline, and reduce vulnerability to external and internal shocks. The study highlights the need for a comprehensive response to modern challenges through the improvement of the regulatory framework, increased transparency and the introduction of digital solutions in public finance management.

Keywords: financial and economic security, budget management, budget risks, budget system sustainability, fiscal policy, public finance management.

Трансформация глобальной экономической системы, усиление геополитической нестабильности и структурные изменения в международных финансовых отношениях делают особенно важной проблему обеспечения финансово-экономической безопасности государства. В условиях растущей непредсказуемости внешней среды система управления бюджетными ресурсами становится ключевым элементом национальной экономической безопасности, выполняя функции стабилизатора макроэкономических процессов и инструмента реализации стратегических приоритетов развития.

Бюджетный менеджмент как комплексная система планирования, организации и контроля процессов формирования и использования государственных финансовых ресурсов сталкивается с множеством внутренних и внешних угроз, способных дестабилизировать финансово-экономическую систему страны. Финансово-экономическая безопасность в системе бюджетного управления представляет собой состояние защищенности бюджетной системы от различных угроз, при котором обеспечивается устойчивое выполнение государственных функций, реализация социальных обязательств и достижение стратегических целей развития.

Методологическую основу исследования составляет системный подход, позволяющий рассматривать бюджетный менеджмент как многоуровневую систему взаимосвязанных элементов, функционирующих в динамичной внешней среде. Применение институционального анализа позволяет выявить недостатки нормативно-правового регулирования и организационных механизмов бюджетного процесса, а риск-ориентированный подход обеспечивает выявление, оценку и классификацию угроз финансово-экономической безопасности.

Одной из наиболее значимых угроз для российской бюджетной системы остается зависимость доходной части бюджета от конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков. Структурная зависимость от экспорта углеводородов создает системную уязвимость, которая проявляется в резких колебаниях бюджетных доходов при изменении цен на энергоносители.

Таблица 1 - Зависимость РФ от конъюнктуры мировых рынков

Показатель	2022	2023	2024	2025 (прогноз на конец года)
Доля нефтегазовых доходов в федеральном бюджете, %	43,5	31,8	28,4	26,2
Средняя цена Urals, \$/барр.	76,1	64,5	71,2	69,8
Курс USD/RUB (среднегодовой)	68,5	82,4	91,5	95,3

События последних лет наглядно демонстрируют масштаб этой проблемы. В феврале 2022 года введение ценового потолка на российскую нефть в размере \$60 за баррель привело к необходимости пересмотра бюджетных прогнозов. Министерству финансов пришлось использовать средства Фонда национального благосостояния в объеме 2,4 трлн рублей для покрытия образовавшегося дефицита. В третьем квартале 2023

года резкое падение цен на энергоносители вызвало снижение нефтегазовых доходов на 24% в годовом выражении, что потребовало сокращения отдельных статей расходов федерального бюджета и корректировки параметров бюджетного правила [8].

Несмотря на постепенное снижение доли нефтегазовых доходов с 43,5% в 2022 году до прогнозируемых 26,2% в 2025 году, внешние ценовые шоки продолжают оказывать существенное влияние на устойчивость федерального бюджета. Введение санкционных ограничений потребовало активации компенсационных механизмов, включая использование суверенных фондов и корректировку бюджетного правила, что подтверждает необходимость дальнейшей диверсификации доходной базы и повышения способности фискальной политики адаптироваться к внешним вызовам.

Тесно связанной с внешней ценовой зависимостью является проблема проциклического характера бюджетной политики. Циклические колебания экономической активности создают проциклические эффекты, усиливающие макроэкономическую нестабильность. В фазе экономического спада сокращение налоговых поступлений сопровождается ростом социальных расходов, что приводит к структурному ухудшению бюджетного баланса и накоплению долговых обязательств.

Таблица 2 - Проциклические эффекты бюджетной политики РФ

Показатель	2022	2023	2024	2025 (прогноз на конец года)
Темп роста ВВП, %	-2,1	3,6	3,9	3,2
Дефицит/профицит федерального бюджета, % ВВП	-1,3	-2,4	-1,8	-1,1
Социальные расходы, % от общих расходов	33,2	35,8	34,6	33,9

В 2022 году на фоне экономического спада правительство увеличило расходы на поддержку занятости и социальные выплаты на 1,8 трлн рублей, одновременно наблюдалось сокращение поступлений по налогу на прибыль организаций на 18%. В 2024 году при восстановлении экономической активности доходы бюджета выросли на 23%, однако расходные обязательства, принятые в период кризиса, остались практически неизменными, что привело к структурному увеличению государственных расходов до 25,8% ВВП [4]. Это означает, что в период подъема не формируются достаточные резервы для противодействия будущим экономическим шокам, а расходные обязательства, принятые в кризис, становятся постоянными.

Проциклический характер российской бюджетной политики усиливает макроэкономическую нестабильность: сокращение налоговых поступлений в период спада сопровождается ростом социальных расходов и увеличением дефицита, при этом в период восстановления рост доходов не приводит к пропорциональному снижению расходных обязательств, что ограничивает возможности формирования бюджетных резервов.

Инфляционные процессы создают двойственный эффект для бюджетной системы. С одной стороны, инфляция обеспечивает номинальный рост налоговых доходов, с другой — обесценивает реальную стоимость бюджетных расходов и государственного долга, создавая диспропорции в распределении финансовых ресурсов во времени.

Таблица 3 – Динамика инфляционных процессов за 2022-2024 гг. в РФ

Показатель	2022	2023	2024	2025 (прогноз на конец года)
Инфляция (год к году), %	11,9	7,4	9,2	7,8
Реальный рост налоговых доходов, %	-3,2	4,1	2,8	1,9

Индексация бюджетных расходов, %	7,5	5,5	6,8	6,2
----------------------------------	-----	-----	-----	-----

В 2022 году инфляционный всплеск до 11,9% привел к номинальному росту налоговых доходов на 9,4%, однако реальная покупательная способность бюджетных расходов сократилась на 2,1%, что потребовало дополнительной индексации социальных выплат на 628 млрд рублей. В период 2023-2024 годов высокая инфляция обесценила реальную стоимость внутреннего государственного долга на 4,2 трлн рублей, однако одновременно потребовала увеличения номинальных расходов на государственные закупки на 37% [8].

Валютные риски также представляют серьезную угрозу для бюджетной устойчивости. Резкие колебания обменного курса могут привести к критическому увеличению долговой нагрузки в национальной валюте, дестабилизации платежного баланса и истощению международных резервов.

Таблица 4 – Динамика валютных рисков за 2022-2024 гг. в РФ

Показатель	2022	2023	2024	2025 (прогноз на конец года)
Внешний долг РФ, млрд USD	329,5	298,3	312,7	305,8
Доля внешнего долга в валюте, %	100	98,4	96,8	95,2
Волатильность курса рубля, %	31,2	18,7	22,4	19,3

В марте 2022 года резкое ослабление рубля до отметки выше 120 за доллар привело к увеличению рублевого эквивалента внешнего долга корпоративного сектора на 8,3 трлн рублей, что потребовало государственной поддержки стратегических предприятий в размере 450 млрд рублей. В августе 2023 года ослабление рубля до 101 за доллар увеличило стоимость импортных товаров для государственных нужд на 284 млрд рублей в годовом выражении, что потребовало корректировки государственных контрактов и перераспределения бюджетных средств. К концу 2024 года накопленная девальвация рубля с начала 2022 года составила около 40%, что привело к увеличению стоимости обслуживания валютных обязательств государственных корпораций на 1,2 трлн рублей.

Помимо макроэкономических факторов, существенную угрозу финансово-экономической устойчивости бюджета представляют институциональные проблемы бюджетного процесса. Качество институциональной среды определяет эффективность трансформации финансовых ресурсов в общественные блага и услуги. Несовершенство институциональных механизмов проявляется в нескольких направлениях.

Фрагментация бюджетного процесса и недостаточная координация между участниками бюджетных отношений приводят к неэффективному распределению ресурсов, дублированию функций и размыванию ответственности. Отсутствие интегрированной системы стратегического планирования и бюджетирования создает разрыв между долгосрочными целями развития и краткосрочными приоритетами распределения бюджетных средств. Низкая прозрачность бюджетного процесса ограничивает возможности общественного контроля и создает условия для нецелевого использования средств.

Особенно острой является проблема несовершенства механизмов бюджетного федерализма, которая создает вертикальные и горизонтальные дисбалансы в распределении доходных источников и расходных обязательств между уровнями бюджетной системы. Современная архитектура российского бюджетного федерализма характеризуется существенным расхождением между распределением расходных полномочий и доходных источников. По состоянию на 2023 год региональные бюджеты исполняют 58,4% консолидированных бюджетных расходов при наличии доступа лишь к 37,2% налоговых доходов, что формирует вертикальный дисбаланс в размере 21,2 процентных пункта [8].

Данный разрыв систематически компенсируется федеральными трансферами, объем которых достиг 3,48 трлн рублей в 2023 году, что составляет 29,6% совокупных доходов консолидированных бюджетов субъектов Федерации. Структура межбюджетных трансфертов демонстрирует преобладание целевых механизмов финансирования, в частности, дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности составляют 32,2% общего объема трансфертов, субсидии на софинансирование расходных обязательств — 45,4%, субвенции на реализацию делегированных полномочий — 17,5%. Высокая доля целевых трансфертов в размере 67,8% существенно ограничивает бюджетную автономию регионов и создает проблему множественности финансируемых направлений. В 2023 году действовало 87 федеральных программ, предусматривающих выделение субсидий регионам, что усложняет бюджетное планирование и повышает административные издержки.

Критическим аспектом является неравномерность региональной бюджетной обеспеченности. Разрыв в налоговых доходах на душу населения между наиболее и наименее обеспеченными регионами составляет 18,4 раза, при этом после распределения дотаций на выравнивание этот показатель снижается лишь до 11,7 раза, что свидетельствует о недостаточной эффективности механизмов выравнивания. Десять наиболее обеспеченных субъектов аккумулируют 47,3% совокупных налоговых доходов региональных бюджетов при численности населения 22,8% от общероссийской.

Особую озабоченность вызывает ситуация с высокодотационными регионами: 24 субъекта Федерации имеют уровень дотационности свыше 40%, при этом для 8 регионов этот показатель превышает 60%. Подобная степень финансовой зависимости практически исключает возможность самостоятельной региональной экономической политики и создает риски дестабилизации бюджетной системы в случае сокращения федеральных трансфертов. Проблема усугубляется динамикой передачи расходных полномочий на региональный уровень без адекватного финансового обеспечения. За период 2019-2023 годов регионам были переданы дополнительные полномочия с совокупным финансовым обременением 847 млрд рублей ежегодно, при этом соответствующие субвенции покрывают лишь 68,4% расчетной стоимости новых полномочий [8]. Это вынуждает регионы либо сокращать финансирование собственных полномочий, либо наращивать заимствования: совокупный долг консолидированных бюджетов субъектов РФ вырос с 2,35 трлн рублей в декабре 2019 года до 3,12 трлн рублей в декабре 2023 года, увеличившись на 32,8%.

Муниципальный уровень бюджетной системы сталкивается с еще более острой проблемой вертикального дисбаланса. Местные бюджеты исполняют 11,2% консолидированных бюджетных расходов при доступе к 3,8% налоговых доходов. Данный дисбаланс компенсируется межбюджетными трансфертами из региональных бюджетов в объеме 2,14 трлн рублей, что составляет 62,7% доходов консолидированных бюджетов муниципальных образований. Крайне высокая зависимость от вышестоящих бюджетов фактически лишает местное самоуправление финансовой самостоятельности.

Серьезной проблемой является также недостаточность и структурные диспропорции доходной базы бюджетной системы. Нефтегазовые доходы федерального бюджета, несмотря на внедрение бюджетного правила и создание механизмов стабилизации, сохраняют значительную волатильность. В 2023 году их объем составил 10,87 трлн рублей, снизившись на 24,1% относительно 2022 года вследствие падения цен на энергоносители и введения ценовых ограничений на российский экспорт. Подобная амплитуда колебаний создает серьезные вызовы для среднесрочного бюджетного планирования и требует наличия значительных фискальных резервов.

Ненефтегазовые доходы федерального бюджета, составившие 17,58 трлн рублей в 2023 году, также характеризуются значительными структурными проблемами. НДС, формирующий 39,4% ненефтегазовых доходов, демонстрирует существенный разрыв между теоретическим и фактическим потенциалом. Расчетная база НДС составляет около

112 трлн рублей, что при средневзвешенной эффективной ставке 16,8% должно генерировать потенциальные поступления НДС в размере 18,8 трлн рублей. Фактические поступления составляют лишь 36,8% от этого уровня, что указывает на налоговый разрыв в размере 11,87 трлн рублей [2].

Структура налогового разрыва по НДС включает как легальные компоненты в виде освобождений и льгот, так и нелегальные компоненты, связанные с уклонением от уплаты, мошенническими схемами возмещения и ошибками администрирования. Наиболее проблемными секторами являются оптовая торговля, строительство и операции с недвижимостью. Налог на прибыль организаций демонстрирует еще более выраженную проблему налоговых разрывов. При совокупной балансовой прибыли организаций в размере 38,4 трлн рублей и базовой ставке 20%, потенциальные поступления налога на прибыль должны составлять 7,68 трлн рублей. Фактические поступления составили 4,21 трлн рублей, формируя налоговый разрыв 3,47 трлн рублей [1].

Проблематичным является широкое использование механизмов трансфертного ценообразования для вывода прибыли в низконалоговые юрисдикции. Несмотря на ужесточение контроля за трансграничными операциями между взаимозависимыми лицами, масштаб недополученных доходов оценивается в 420-680 млрд рублей ежегодно. Имущественные налоги демонстрируют критически низкий фискальный потенциал: совокупные поступления налога на имущество организаций, налога на имущество физических лиц и земельного налога составили 1,47 трлн рублей в 2023 году, что эквивалентно 0,89% ВВП, тогда как в странах OECD средний уровень поступлений от налогов на имущество составляет 1,9% ВВП.

Особую проблему представляет теневая экономика, масштаб которой в России оценивается в диапазоне от 20% до 39% ВВП. Консервативная оценка в 25% ВВП предполагает недополучение налоговых доходов в размере 7,4-9,2 трлн рублей ежегодно, что эквивалентно 4,5-5,6% ВВП. Структура теневой экономики включает неформальную занятость, незарегистрированную предпринимательскую деятельность, занижение выручки и использование схем обналичивания денежных средств.

Помимо доходной стороны, серьезные риски связаны с операционными аспектами исполнения бюджета. Недостаточная автоматизация бюджетных процессов и фрагментарность информационных систем создают возможности для ошибок и нецелевого использования средств. Отсутствие единой интегрированной платформы управления бюджетными данными препятствует оперативному мониторингу и аналитической поддержке управленческих решений [3].

Проблема кассовых разрывов и неравномерности исполнения бюджета в течение финансового года создает угрозы для своевременного финансирования государственных обязательств и может привести к накоплению кредиторской задолженности. Недостаточное качество прогнозирования денежных потоков усугубляет эту проблему. Риски проектного финансирования связаны с недостаточной проработкой инвестиционных проектов и завышенными оценками их эффективности, что приводит к систематическому превышению бюджетов проектов и недостижению плановых показателей.

Управление государственным долгом представляет отдельный критически важный аспект финансово-экономической безопасности. Чрезмерное накопление долговых обязательств создает несколько категорий рисков. Риск рефинансирования возникает при концентрации сроков погашения долга и ограниченном доступе к источникам заимствования. Процентный риск связан с изменением стоимости обслуживания долга вследствие колебаний процентных ставок. Риск долговой спирали возникает при превышении темпов роста долга над темпами экономического роста, когда возрастающие расходы на обслуживание долга требуют дополнительных заимствований [5].

Современная геополитическая ситуация создает специфические угрозы для бюджетной безопасности. Санкционные режимы ограничивают доступ к международным

финансовым рынкам, сужают возможности рефинансирования внешнего долга и создают барьеры для международного сотрудничества. Ограничения на использование глобальной финансовой инфраструктуры требуют создания альтернативных механизмов платежей и расчетов, что связано с дополнительными издержками и рисками. Переориентация торговых и финансовых потоков влечет структурные изменения в доходной базе бюджета и требует адаптации фискальной политики [6].

Долгосрочные демографические тренды формируют фундаментальные угрозы для бюджетной устойчивости. Старение населения приводит к росту расходов на пенсионное обеспечение и здравоохранение при сокращении налоговой базы вследствие уменьшения численности трудоспособного населения. Миграционные процессы создают дополнительную нагрузку на социальную инфраструктуру и бюджетную систему регионов-реципиентов. Неравномерность пространственного распределения населения создает дисбалансы между потребностями в финансировании общественных услуг и локальной налоговой базой [7]. Возрастание социальных ожиданий населения в условиях ограниченных финансовых возможностей государства создает риски социальной напряженности и требует сложных компромиссов в приоритизации бюджетных расходов.

Климатические изменения формируют новый класс долгосрочных угроз для бюджетной безопасности. Возрастание частоты и интенсивности экстремальных погодных явлений требует значительных расходов на ликвидацию последствий и адаптацию инфраструктуры.

Так, например, наводнения в различных регионах России демонстрируют масштабы климатических рисков. Паводки в Иркутской области (2019 г.) потребовали бюджетных ассигнований около 30 млрд рублей на восстановление жилья и инфраструктуры. Наводнения в Крымске (2012 г.) обошлись федеральному и региональному бюджетам в 17 млрд рублей. Лесные пожары в Сибири ежегодно требуют от 5 до 15 млрд рублей на тушение и ликвидацию последствий, не считая косвенных экономических потерь.

Таяние мерзлоты создает критическую угрозу для инфраструктуры северных регионов. По оценкам экспертов, деформация зданий и сооружений на территориях с деградирующей мерзлотой может потребовать до 2050 года инвестиций в размере 5-7 трлн рублей. Уже сейчас в Якутии, Норильске и других северных городах наблюдаются повреждения жилых домов, промышленных объектов и транспортной инфраструктуры.

Необходимость перехода к низкоуглеродной экономике также влечет за собой структурную трансформацию налоговой базы, связанную с сокращением доходов от углеродоемких секторов.

Введение трансграничного углеродного регулирования ЕС (СВАМ) создает прямые бюджетные риски. Российский экспорт металлургической продукции, удобрений и цемента в ЕС может сократиться на 15-25%, что означает потенциальную потерю экспортных пошлин и налогов на прибыль экспортеров на сумму 50-80 млрд рублей ежегодно. Компании вынуждены инвестировать в декарбонизацию производства, что в краткосрочной перспективе снижает их налогооблагаемую прибыль.

Транспортный сектор стоит перед необходимостью электрификации. Постепенный отказ от двигателей внутреннего сгорания приведет к сокращению акцизов на бензин и дизельное топливо, которые в 2023 году составили около 450 млрд рублей. Требуется создание новых механизмов налогообложения электротранспорта и альтернативных источников бюджетных доходов.

Одновременно возникают потребности в значительных инвестициях в зеленую инфраструктуру и технологии. Экологические обязательства, включая рекультивацию территорий и ликвидацию накопленного экологического ущерба, представляют существенные условные обязательства, которые могут материализоваться в будущих бюджетных расходах.

Модернизация энергетического сектора традиционно требует масштабных

капиталовложений. Развитие возобновляемых источников энергии (солнечных и ветровых электростанций) нуждается в государственной поддержке в форме субсидий, налоговых льгот и гарантий. По различным оценкам, достижение углеродной нейтральности к 2060 году потребует инвестиций в размере 25-30 трлн рублей, значительная часть которых должна быть обеспечена через бюджетные механизмы или государственные гарантии.

Адаптация сельского хозяйства к изменению климата включает развитие ирригационных систем, выведение засухоустойчивых сортов растений, модернизацию животноводства. Только на развитие мелиорации до 2030 года планируется направить около 600 млрд рублей из федерального и региональных бюджетов.

Цифровая трансформация экономики создает возможности для повышения эффективности бюджетного управления, но одновременно порождает новые риски. В современном мире кибербезопасность становится критически важным аспектом защиты финансово-экономической информации и бюджетных транзакций.

Атаки на финансовую систему становятся всё более изощренными. В 2022-2023 годах российская банковская система отразила рекордное количество DDoS-атак и попыток несанкционированного доступа. Центральный банк увеличил расходы на кибербезопасность до 5 млрд рублей ежегодно. Федеральное казначейство, обрабатывающее триллионы рублей бюджетных средств, вынуждено постоянно модернизировать системы защиты, что требует значительных инвестиций.

Создание защищенных систем межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) и государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами (ГИИС «Электронный бюджет») потребовало инвестиций около 25 млрд рублей. Поддержание и развитие этих систем требует ежегодно 3-5 млрд рублей.

Автоматизация и искусственный интеллект могут привести к структурным изменениям на рынке труда, влияя на налоговые поступления и требуя дополнительных социальных расходов на переквалификацию работников.

Автоматизация банковского сектора привела к сокращению отделений и персонала. За 2015-2023 годы количество банковских офисов сократилось с 42 до 28 тысяч, персонал - на 30%. Аналогичные процессы происходят в розничной торговле, логистике, промышленности. По прогнозам, к 2030 году автоматизация может затронуть до 15% рабочих мест в России.

Это создает необходимость масштабных программ переквалификации. Федеральный проект «Содействие занятости» в рамках нацпроекта «Демография» предусматривает финансирование около 50 млрд рублей ежегодно на обучение и переподготовку работников. Однако этих средств может быть недостаточно при ускорении технологических изменений.

Цифровизация экономики создает вызовы и для налогового администрирования, особенно в отношении трансграничной цифровой торговли.

Развитие маркетплейсов и трансграничной электронной торговли создает вызовы для налогового контроля. Внедрение НДС для иностранных поставщиков цифровых услуг (Netflix, Spotify и других) с 2017 года позволило собрать дополнительно около 10 млрд рублей ежегодно. Однако значительная часть трансграничной торговли остается в «серой зоне».

Самозанятые и фрилансеры, работающие через цифровые платформы, представляют растущий сегмент экономики. Режим налогообложения профессионального дохода охватил к 2024 году более 7 млн человек, обеспечив налоговые поступления около 40 млрд рублей. Однако множество онлайн-транзакций остаются вне налогового учета.

Развитие цифровых валют центральных банков и частных криптовалют может трансформировать денежно-кредитную систему и механизмы бюджетного финансирования, требуя адаптации институциональных рамок.

Банк России разрабатывает цифровой рубль, который может изменить механизмы

бюджетных платежей. Преимущества включают снижение транзакционных издержек, повышение прозрачности операций, возможность таргетированной социальной поддержки (перечисление средств с ограничениями на использование). Однако внедрение требует инвестиций в IT-инфраструктуру около 30-50 млрд рублей.

Криптовалюты создают риски уклонения от налогообложения и вывода капитала. По различным оценкам, объем криптовалютных операций с участием российских резидентов составляет 5-10 млрд долларов ежегодно. Введение налогообложения операций с криптовалютами (с 2025 года) должно легализовать часть этого рынка и обеспечить дополнительные бюджетные доходы.

Система «Электронный бюджет» объединяет более 70 тысяч участников бюджетного процесса. Переход на электронные закупки позволил сэкономить до 15% бюджетных средств за счет повышения конкуренции и прозрачности. В 2023 году через электронные процедуры было размещено госзаказов на сумму около 8 трлн рублей.

Внедрение искусственного интеллекта для анализа бюджетных данных и прогнозирования позволяет повысить качество бюджетного планирования. Казначейство использует машинное обучение для выявления аномальных транзакций и предотвращения нецелевого использования средств, что сохраняет бюджету несколько миллиардов рублей ежегодно.

Комплексный характер выявленных угроз требует формирования многоуровневой системы защиты финансово-экономической безопасности в рамках бюджетного менеджмента.

Предлагаемая концептуальная модель защиты финансово-экономической безопасности (рис. 1) представляет собой иерархическую систему взаимосвязанных механизмов, действующих на различных уровнях бюджетного менеджмента и обеспечивающих комплексную защиту от выявленных угроз.

Рисунок 1 – Модель защиты финансово-экономической безопасности

Фундаментом системы безопасности выступает стратегический уровень, формирующий целевые ориентиры и общие принципы функционирования бюджетной системы в долгосрочной перспективе.

Разработка концепции бюджетной политики на период 10-15 лет требует глубокой интеграции с национальными стратегическими приоритетами развития, включая технологический суверенитет, демографическую политику, пространственное развитие и обеспечение обороноспособности. Стратегический уровень предполагает создание

сценарных прогнозов развития бюджетной системы при различных комбинациях внешних и внутренних факторов, что позволяет заблаговременно формировать адаптационные механизмы.

Ключевым элементом стратегического контура является формирование системы бюджетных резервов, способных обеспечить устойчивость в условиях кризисных ситуаций. Речь идет не только о традиционном резервном фонде, но о многоуровневой системе финансовых буферов, включающей федеральный резерв, региональные стабилизационные фонды, отраслевые резервы для критически важных направлений. Механизмы контрциклического регулирования предусматривают автоматические стабилизаторы, активирующиеся при определенных пороговых значениях макроэкономических индикаторов. Например, при падении цен на нефть ниже определенного уровня автоматически запускается механизм частичного финансирования дефицита бюджета за счет резервов без необходимости принятия отдельных решений, что существенно ускоряет реакцию системы на внешние шоки.

Институциональный уровень модели фокусируется на создании прочной организационно-правовой основы функционирования всех элементов системы безопасности. Совершенствование нормативно-правовой базы предполагает не просто внесение точечных изменений в существующее законодательство, а формирование целостного правового поля, устраняющего противоречия между различными уровнями бюджетной системы, четко разграничивающего полномочия и ответственность участников бюджетного процесса. Особое внимание уделяется созданию правовых механизмов, обеспечивающих гибкость бюджетной системы при сохранении фискальной дисциплины.

Прозрачность и подотчетность выступают критически важными характеристиками институциональной среды, поскольку они обеспечивают общественный контроль за использованием бюджетных средств и снижают возможности для коррупции. Институциональный уровень предусматривает создание механизмов публичного представления информации о бюджетных решениях, их обоснованиях и результатах исполнения в формате, доступном не только для специалистов, но и для широкой общественности. Формирование независимых органов бюджетного контроля, подотчетных законодательной власти, создает систему сдержек и противовесов в бюджетном процессе.

Координация между участниками бюджетных отношений требует создания постоянно действующих площадок для согласования позиций федерального центра, регионов и муниципалитетов по ключевым вопросам бюджетной политики. Межбюджетные комиссии, рабочие группы по проблемным направлениям, механизмы предварительного обсуждения проектов решений формируют институциональную инфраструктуру для выявления и разрешения противоречий на ранних стадиях.

Управление рисками пронизывает все уровни модели, выступая связующим элементом между стратегическим целеполаганием, институциональным обеспечением и операционной деятельностью. На этапе планирования система управления рисками предполагает идентификацию потенциальных угроз для каждого направления бюджетной политики и каждой крупной расходной программы. Методология оценки рисков включает анализ вероятности реализации негативных сценариев и потенциального масштаба ущерба для бюджетной системы.

Превентивные меры разрабатываются для рисков с высокой вероятностью реализации или потенциально катастрофическими последствиями. Например, риск резкого сокращения нефтегазовых доходов требует создания диверсифицированной структуры доходной базы, развития альтернативных источников бюджетных поступлений, формирования резервов. Для каждого значимого риска разрабатывается план действий, включающий индикаторы раннего предупреждения, триггерные значения для активации защитных механизмов, перечень конкретных мероприятий и ответственных

лиц.

На этапе исполнения бюджета система управления рисками обеспечивает мониторинг индикаторов, сигнализирующих о возможной реализации угроз. Регулярная переоценка рисков с учетом изменяющихся условий позволяет корректировать защитные механизмы и при необходимости разрабатывать дополнительные меры. Система обратной связи обеспечивает накопление опыта управления рисками и его использование для совершенствования методологии.

Операционный уровень модели обеспечивает практическую реализацию решений, принимаемых на стратегическом и институциональном уровнях, за счет современных технологических решений и эффективных бизнес-процессов. Цифровая трансформация бюджетных процессов предполагает переход от фрагментарной автоматизации отдельных функций к созданию единой цифровой экосистемы, охватывающей все этапы бюджетного цикла и всех участников бюджетных отношений.

Интегрированные информационные системы объединяют планирование, исполнение, учет и контроль бюджетных средств в едином информационном пространстве. Это обеспечивает сквозную прослеживаемость бюджетных потоков от принятия решения о выделении средств до получения конечных результатов. Автоматизация контрольных функций предполагает встраивание проверочных процедур непосредственно в технологические процессы прохождения бюджетных операций, что позволяет блокировать нарушения в режиме реального времени без необходимости последующих проверок.

Аналитические возможности системы основываются на технологиях больших данных и искусственного интеллекта. Накопление информации о бюджетных операциях за длительный период создает базу для выявления закономерностей, построения прогнозных моделей, оценки эффективности различных инструментов бюджетной политики. Системы поддержки принятия решений предоставляют руководителям возможность моделировать последствия альтернативных вариантов бюджетных решений, оценивать их влияние на различные аспекты финансово-экономической безопасности.

Интеграция всех уровней модели обеспечивается через систему ключевых показателей безопасности, мониторинг которых ведется в автоматическом режиме, и механизмы эскалации информации о критических отклонениях на соответствующие уровни принятия решений. Таким образом создается адаптивная система, способная оперативно реагировать на угрозы и самостоятельно совершенствоваться на основе накопленного опыта.

Проведенное исследование выявило многомерный характер угроз финансово-экономической безопасности в системе управления бюджетными ресурсами. Эффективное управление этими угрозами предполагает сочетание превентивных мер стратегического характера, институциональных реформ и операционных улучшений. Критически важным представляется формирование адаптивной системы бюджетного менеджмента, способной оперативно реагировать на изменяющиеся условия и новые вызовы.

Список источников

1. Андрюшин С.А., Кузнецова В.В. Бюджетная политика и макроэкономическая стабильность // Вопросы экономики. 2024. № 12. С. 45-62.
2. Афанасьев М.П., Шаш Н.Н. Инструментарий оценки бюджетной устойчивости // Финансовый журнал. 2023. № 5. С. 28-44.
3. Вагин В.В., Шаповалова Н.А. Актуальные проблемы управления общественными финансами. М.: ИД ВШЭ, 2023. 304 с.
4. Вотинов А.И., Казакова М.В. Проциклическая бюджетная политика в условиях экономической нестабильности // Финансы и кредит. 2023. Т. 29. № 6. С. 1342-1361.
5. Кудрин А.Л., Горюнов Е.Л., Трунин П.В. Стимулирующая денежно-кредитная

политика: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2023. № 5. С. 5-28.

6. Кудрин А.Л., Соколов И.А. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2023. № 9. С. 5-27.

7. Малкина М.Ю. Финансовая устойчивость региональных бюджетных систем // Журнал экономической теории. 2024. Т. 21. № 1. С. 112-129.

8. Министерство финансов Российской Федерации. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. М.: Минфин России, 2023. С. 18-45.

Сведения об авторах

Шалунов Сергей Сергеевич, магистрант ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», г. Люберцы, Россия

Саадулаева Татьяна Анатольевна, доцент кафедры финансового менеджмента, кандидат экономических наук, Российская таможенная академия, г. Люберцы, Россия

Information about the authors

Shalunov Sergey Sergeevich, Master's student at the State State Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy", Lyubertsy, Russia

Saadulayeva Tatiana Anatolyevna, Associate Professor of the Department of Financial Management, Candidate of Economic Sciences, Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia